

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века

А.А. Долин

Аннотация. В статье анализируется загадочный социальный феномен добровольного затворничества, зародившийся в Японии в конце XX века и ныне получивший широкое распространение почти во всех странах «золотого миллиарда». На основании многочисленных работ японских и западных социологов, психиатров, этнографов и экономистов даётся определение социальной группе *хикикомори*, выявляются причины её появления, рассматривается связь психических отклонений, бытующих среди *хикикомори*, с историческими переменами и техногенными сдвигами в современном японском обществе, а также аналогичными процессами в других развитых странах. Рассматриваются также предложенные специалистами способы лечения «культурно ориентированного» синдрома *хикикомори* и перспективы дальнейшего развития этой социальной эпидемии в Японии и во всём мире с учётом стремительного роста числа *хикикомори* среди молодёжи в первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: Япония, хикикомори, пандемия, психическое отклонение, социальная проблема.

Автор: Долин Александр Аркадьевич, PhD, профессор, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: adolin@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Долин А.А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века // Японские исследования. 2022. № 1. С. 6–19. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Problem of social alienation in the 21st century Japanese society

A.A. Dolin

Abstract. In this paper, the author analyzes a mysterious phenomenon of voluntary seclusion that had emerged as a mental deviation in Japan in the late 20th century, having spread all over the countries of “the golden billion” since that time. On the basis of numerous works by Japanese and Western sociologists, psychiatrists, ethnographers, and economists characteristic features of the social group called *hikikomori* are given a definition. Factors that had specific impact on its emergence as well as the connection between the mental deviations of *hikikomori* and historical changes in modern Japanese society with IT technology shifts at the background are scrutinized in comparison with similar processes in other developed countries of the world. The author also focuses on the methods of treatment of this “culture-bound syndrome” suggested by contemporary psychiatry and the prospects of inevitable expansion of the dangerous social epidemic disease

regarding dramatic growth of *hikikomori* among the younger generations in the first decades of the 20th century.

Keywords: Japan, hikikomori, pandemic disease, mental deviation, social problem.

Author: Dolin Alexander A., PhD, Professor, School of Asian Studies, National research university “Higher school of economics” (HSE University) (address: 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). E-mail: adolin@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dolin A.A. (2022). Problema sotsial’nogo otchuzhdeniya v yaponskom obshchestve XXI veka [Problem of social alienation in the 21st century Japanese society]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 6–19. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Введение

В наше время понятие «социальное дистанцирование» ассоциируется прежде всего с поддержанием определённой дистанции между людьми из опасения заразиться инфекционным заболеванием. Однако в исторической ретроспективе тот же термин приобретает иное, расширенное значение. В данной работе под социальным дистанцированием мы подразумеваем добровольную самоизоляцию индивидуума от общества, обусловленную как социальными факторами, так и психопатологическими расстройствами.

Социальное дистанцирование как вид ухода от общества по идейным соображениям было присуще самым различным цивилизациям с самого начала человеческой истории. Достаточно вспомнить индийских и тибетских йогов, буддийских отшельников, таёжных шаманов, православных старцев в скитах. Однако нигде в мире идея ухода от общества во имя личного самосовершенствования и единения с природой не была так глубоко укоренена, как в Китае и других странах Восточной Азии, являющейся сферой культурного влияния Поднебесной.

Опыт китайских и японских отшельников не только обогатил культуру Восточной Азии творениями, созданными в процессе длительной самоизоляции, но также повлиял на становление литературного канона. Идеал уединённого досуга в горном скиту как «санатория для души» прочно укоренился в сознании всего образованного сословия. Поэты и писатели, даже числившиеся на государственной службе и не имевшие права надолго отлучаться от двора, грезил о жизни в горах, ведущей к просветлению, и воспевали её в своих книгах. Тема «затворник в горной хижине» вошла в список канонических тем поэзии классической японской *вака*.

Однако добровольное затворничество не было чисто умозрительным идеалом. Немало светских придворных поэтов начиная с X века действительно стремились хотя бы иногда проводить время в горном приюте, вдали от мирских треволнений и соблазнов. Буддийские монахи и священники практиковали схиму в горном скиту – кто на короткое время, а кто и на несколько лет – чтобы потом вернуться к исполнению своих обязанностей в монастыре. Так, знаменитый дзэнский философ, поэт и эксцентрик Иккю Содзюн чередовал бдения в монастыре не только с регулярным посещением «весёлого дома», но и с долгими периодами добровольного отшельничества, которые дарили ему вдохновение.

На Японских островах уже нет отшельников «старого образца», а те *ямабуси*, что ещё встречаются на священных горах Хагуро и Гассан, основательно приобщились к благам современной цивилизации. Зато в Стране восходящего солнца появилась новая загадочная социальная группа современных затворников *хикикомори*, которые не имеют ничего общего с даосскими и буддийскими традициями, но при этом решительно отрицают все жизненные установки и социальные ценности постиндустриального общества потребления.

За последние три десятилетия в японской и мировой психиатрии феномен хикикомори занял солидную нишу. Ему посвящены сотни статей и несколько научных монографий. Однако социальная природа этого странного явления до сих пор не вполне понятна и довольно слабо описана в социологическом ракурсе. Если сначала считалось, что добровольное затворничество – чисто японское явление, то уже в начале XXI века были диагностированы сходные симптомы у молодёжи многих других стран на всех континентах. Вскоре то, что рассматривалось как экзотическое исключение из правил и социальных норм, приобрело характер эпидемии, нарастающей со скоростью и мощностью тайфуна. Когда о феномене хикикомори заговорили всерьёз, было уже поздно...

Характеристики феномена хикикомори

Феномен хикикомори явственно обозначился только в начале XXI века, но в действительности признаки появления подобной тенденции в японском обществе прослеживаются гораздо раньше и восходят к периоду формирования постиндустриального общества. Ещё в конце 1970-х гг. был описан так называемый «синдром ухода» (*тайкяку синкэйсё*) [Касахара 1978]. В начале 1980-х гг. похожее поведение у школьников называли «синдромом отказа от школы» (*school refusal syndrome*). Однако речь уже тогда шла о масштабном социальном явлении, своего рода психологической пандемии, которая в наши дни представляет несомненную угрозу для общественного уклада не только в благополучной Японии, но и во многих других странах «золотого миллиарда».

Когда реальные масштабы проблемы стали отчётливо прорисовываться, японское Министерство здоровья, труда и социальной защиты выработало критерии для определения феномена хикикомори, которыми по сей день руководствуются социологи, юристы и представители правоохранительных органов. Специфические особенности личности, причисляемой к хикикомори, вкратце сводятся к следующему.

Во-первых, образ жизни данного индивидуума сфокусирован на собственном доме – что бы ни называлось домом, то есть на месте, где он непосредственно ест, спит и просматривает смартфон. Во-вторых, индивидуум не проявляет никакого интереса к устройству на работу, посещению школы или вуза. В-третьих, симптомы расстройства проявляются не менее полугода. Наконец, у индивидуума не диагностировано других тяжёлых психических отклонений (шизофрения, деменция и т.п.) [Тео, Gaw 2010, p. 447]. Последний пункт, впрочем, опровергается недавними исследованиями.

Сами хикикомори, испытывая «стыд», то есть чувство вины за свою неадекватность, избегают любых форм общения: с родственниками, бывшими друзьями, возлюбленными, администрацией, социальными службами и т.д. Любые вопросы относительно их статуса и работы служат для них триггерами депрессивных переживаний, поэтому они уклоняются от бесед и расспросов. Их принципы поведения сконцентрированы на защите своего

«идеального эго» путём уклонения от подобных ситуаций [Suwa, Suzuki 2013, p. 195]. Вдобавок они не питают желания занять себя какой-бы то ни было работой и даже доставить себе удовольствие. Их перестают интересовать еда, спорт, секс, зрелища, игры (за исключением тех затворников, которые становятся компьютерными эдиктами). Крайняя степень безразличного отношения к радостям жизни, именуемого в психиатрии агедония, встречается не у всех, но тенденция явственно прослеживается.

Хотя в подавляющем большинстве хикикомори не проявляют агрессии в общении с другими людьми (за исключением, в некоторых случаях, собственных родителей), их оторванность от общества создаёт потенциальную опасность грубого нарушения социальных норм во внештатной ситуации. И действительно, было зарегистрировано несколько фактов нападения хикикомори на окружающих. В таких обстоятельствах полиция и общественность в Японии возлагают всю ответственность на родителей виновника происшествия, поскольку в обыденном сознании именно родители отвечают за проступки неразумных детей любого возраста.

Другую опасность представляет решение всех проблем при помощи самоубийства. Не случайно Япония со второй половины XX века является мировым лидером по числу самоубийств, чему есть своё объяснение [Kato 1975].

Масштабное исследование проблемы хикикомори с участием нескольких сотен респондентов позволило выявить наиболее типичные симптомы этого нервного расстройства, проистекающие из ощущения собственной неполноценности, незащищённости и ущемлённости:

- безнадёжность: ощущение полной невозможности осуществить свои мечты в жестоком мире;
- усталость и пресыщенность от общения с родителями и близкими родственниками;
- ощущение отсутствия выбора. После неудачных попыток социальной коммуникации не остаётся ничего, кроме самоустранения;
- постоянный страх новых неудач в общении, разговоре, любом виде отношений с другими людьми;
- недоверие ко всем окружающим;
- нерешительность в действиях, порождённая вечным страхом и недоверием;
- нежелание открывать информацию о себе;
- стремление присутствовать в социальных сетях под чужим именем, в ином аватаре [Yong, Nomura 2019, p. 9–11].

По определению М. Сува и К. Судзуки, которое существенно дополняет психологический портрет современного затворника, синдром «первичного хикикомори» определяется следующими показателями.

1. Индивидуум избегает любых видов состязательности (экзамены, тесты, спортивные соревнования, зачёт баллов и т.п.). При этом чаще всего наблюдается «капитуляция без борьбы» из-за отсутствия веры в собственные силы и неспособности соответствовать ожиданиям – своим и родительским. Однако мечта о недостижимом успехе не покидает индивидуума, превращаясь в источник депрессивных переживаний и постепенно перерастая в социофобию.

2. Индивидуум лелеет некий идеал собственной личности, сформированный в детские годы, но не находящий подтверждения в реальной жизни и не соответствующий его

реальному положению в обществе (яп. *сэкэнтэй*). При этом идеал личности формировался главным образом усилиями родителей и воспитателей, которые возлагали на ребёнка слишком много надежд. Неспособность оправдать надежды близких людей, как и нелестные сравнения собственных достижений с карьерой ровесников и соучеников, приводят к перманентной фрустрации и отказу от любых дальнейших усилий.

3. Индивидуум не способен к резкой перемене, новому старту из сложившихся жизненных обстоятельств.

4. Индивидуум имеет родителей или близких родственников, которые поддерживают его материально, а иногда и морально [Suwa, Suzuki 2013, p. 191].

В принципе такой образ жизни, какой выбирают хикикомори, возможен только при поддержке извне, поскольку в подавляющем большинстве неработающие затворники не могут получать даже пособие по безработице (хотя и оно имеет лимит во времени). Исследования показали, что родители, как правило, не только содержат молодых людей в их затворничестве, но и оказывают им моральную поддержку, наивно веря, что заблудшее дитя когда-нибудь выйдет из депрессии и сумеет стать достойным членом общества. Однако это происходит крайне редко.

Психиатры о предпосылках возникновения хикикомори

Если опросы и наблюдения в первом десятилетии XXI века показывали цифру порядка 410 тыс. *хикикомори* по всей стране [Furlong 2008, p. 312], то к концу второго десятилетия эта цифра увеличилась до 1,3 млн человек, то есть составила около 1 % населения страны. Стремительный рост числа затворников, который вполне заслуживает название социопатической эпидемии, свидетельствует прежде всего о нарастании социальной напряжённости, которое находит выход не в протестах и классовой борьбе (как это было ещё в 50–60-е гг. XX века), но в добровольном «уходе», полной самоизоляции от мира.

Неудивительно, что первыми обратили внимание на новый феномен психиатры. Возникновение столь специфического расстройства связывали с дефектами развития, с синдромом постоянной тревожности, с дистимическим синдромом, с расстройством адаптационного механизма, с маниакально-депрессивным психозом и т.п. [Watabe et al. 2008, p. 107]. Часть обследованных всё же оказалась шизофрениками, а другие небольшие группы имели такие диагнозы, как аутизм или синдром Аспергера [Тео, Гав 2010, p. 446]. Другие исследования того же периода показывают цифры от 22 % до 28 % [Suwa, Suzuki 2013, p. 193], но и эти показатели в 2010 г. составляли абсолютное меньшинство в общем количестве хикикомори. Совсем иную картину показывает исследование 2019 г., согласно которому среди обратившихся за медицинской помощью затворников до 80 % имели какие-либо психические расстройства [Yong, Nomura 2019, p. 160].

По мнению врачей, личность хикикомори представляет собой продукт сложного взаимодействия различных факторов: влияние семьи, школы, социального окружения. Однако западная и японская психиатрия всё же характеризует феномен хикикомори как преимущественно *культурно-ориентированный синдром (culture-bound syndrome)*, к которому лишь иногда примешиваются усугубляющие эффект медицинские факторы [Тео, Гав 2010, p. 446]. Другими словами, данное расстройство психики напрямую связано с особенностями бытовой культуры и социальными нормами того общества, в котором

обитает индивидуум, является производным от тех деструктивных факторов, которые обуславливают существование человека в данной социокультурной среде.

Ещё в 1990-е гг. в Японии получило распространение странное эндогенное психическое расстройство, которое известно под условным названием «страх взаимодействия с людьми», или антропофобия (*тайдзин кёфу сё*). Однако, согласно проведённым тогда исследованиям, речь шла скорее о неспособности подать себя в обществе, к которому индивидуум не питал особого отвращения. Наоборот, страх был обращён скорее на себя и не выражался в реальном «уходе», лишь в чрезмерной застенчивости и нерешительности [Nakamura, Shioji 1997]. В тот период феномен хикикомори ещё не принял характер эпидемии и рассматривался как лёгкое отклонение от нормы.

Потребовалось ещё десять лет, чтобы психиатры, социологи, а затем и политики начали бить тревогу. Однако и тогда медицинские обследования показывали, что от трети до половины всех случаев хикикомори не связаны с диагностируемыми психиатрическими заболеваниями [Suwa, Suzuki 2006]. Ещё десять лет ушло на то, чтобы понять, какие масштабы грозит принять эпидемия и попытаться наметить (но не имплементировать) способы борьбы с ней. За эти два десятилетия в полной мере проявились два мощных катализатора эпидемии: интернет-мания (*internet addiction*) и меры по принудительной самоизоляции, связанные с пандемией ковида (COVID). В целом же показатели психических расстройств среди хикикомори выросли вдвое.

Интернет-мания, проявляющаяся чаще всего в форме маниакальной одержимости электронными играми, сама по себе не считается психическим заболеванием. Однако ситуация, при которой подросток или юноша проводит много часов дома за игрой, ведёт к развитию «вируса» хикикомори, то есть постепенной атрофии всех человеческих инстинктов, эмоций, желаний и амбиций, к затуханию потребности общения с живыми людьми и погружению в виртуальную реальность.

Обычно материальной и этической базой для формирования психологии хикикомори служат традиционные отношения в японской семье, своего рода полу-матриархат, где доминантная мать берёт на себя все заботы о воспитании детей и работу по хозяйству, оставляя мужу функцию кормильца. В такой семье обычно господствует принцип *амаэ*, согласно которому с ребёнка следует строго взыскивать в области учёбы, но при этом всячески лелеять и баловать. Мать (к которой иногда присоединяется и отец) полностью подавляет личность ребенка, лишая его самостоятельности и заставляя во всём полагаться на родителей. В результате многие дети (в том числе и не хикикомори) до седых волос страдают инфантилизмом, отсутствием воли, слабостью характера и боязнью конкуренции [Doi 1975, p. 145–150].

Как правило, путь к затворничеству начинается со школы, точнее с долгосрочных прогулов, которые постепенно перерастают в отказ от учёбы. Это явление, получившее развитие также с 1990-х гг., получило название *футотоко* («отказ от школы»). По несколько устаревшим данным, которые приводит в своём исследовании Кацумата Михо, таких отказников среди учеников средней школы по стране насчитывалось 127 тыс. [Katsumata 2010, p. 2]. Однако число уклонистов быстро растёт.

Хикикомори и особенности традиционной культуры Японии

В Японии, где традиционно корпоративное мышление диктует полную социальную ангажированность, само понятие «член общества» (*сякайдзин*) несёт особую смысловую нагрузку. Японская культура, которую ещё Р. Бенедикт восемьдесят лет назад назвала «культурой стыда», предполагает приоритет общественных интересов и норм, с которыми индивидуум обязан соотносить собственные устремления и действия. Поясняя действие этого сложного социального механизма, Э. Молодякова пишет: «В японском обществе, в котором индивидуум не воспринимался как базовый элемент, с присущей его членам боязнью “потери лица”, “чувством стыда” сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т.е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма, не свободного от традиционных ценностей. Коллективизм же не директивный, а конформистский. Группа подчас выступает как индивидуум в смысле единого целого. При этом личность рассматривается как органичная часть группы» [Молодякова 2014, с. 51].

Если же в этой традиционной связи случаются сбои, то есть индивидуум оказывается не в состоянии поддерживать должный уровень взаимодействия с группой, то вся ответственность ложится на него, а сам он подвергается единодушному осуждению общества на всех инстанциях. Причём дурная репутация закрепляется за ним навсегда. Как свидетельствует известный японский социолог Т. Наканэ, «в Японии статус индивидуума закрепляется и действует во всех обстоятельствах, определяя в значительной степени общественную жизнь и индивидуальную деятельность» [Nakane 1990, p. 30]. Один из капитанов японского бизнеса и создателей «японского чуда» С. Цуцуми в своём фундаментальном труде «Консюмерское общество Японии» пишет: «В Японии, где концепция прав человека не вполне осознана и довольно слабо укоренена в обществе, структура современного гражданского государства ещё слаба, и мы часто видим случаи социального ostracism» [Tsutsumi 1999, p. 51].

Не стоит забывать, что в Японии существовали многовековые традиции ostracism, направленного против дискриминируемой касты *эта* (иначе *сэммин*, *буракумин*), представителей которых, в отличие от обычных людей (*хэймин*), презрительно именовали «нелюди» (*хинин*). Каста *эта*, родственная по статусу индийским париям, принадлежала к той же этнической группе, что и японцы, но по роду занятий («грязные работы») не допускалась к участию в общественной жизни и подвергалась жестокой сегрегации вплоть до второй половины XX века [Ханин 1980, с. 211–213]. В массовом сознании даже после осуществления всех демократических реформ коренилось ощущение чужеродности, «инаковости» *эта* даже когда формально все дискриминационные ограничения были сняты.

Сходное отношение сегодня проецируется отчасти и на хикикомори, которые не хотят быть составной частью общины и сознательно отделяют себя от общества, становясь невольными или вольными жертвами социального ostracism.

В массовом сознании уже сформировался стереотип юнца, отлынивающего от работы или работающего, но при этом ведущего паразитическое существование за счёт родителей. Ещё десять лет назад для таких молодых людей было найдено специальное определение

парасайто сингуру (parasite single), а для молодой парочки, живущей за чужой счёт, соответственно, *парасайто канпуру* (parasite couple).

Мощную социальную базу для развития движения хикикомори составили «вольноопределяющиеся» *фритеры* без чётко закреплённого места работы, количество которых ещё в начале XXI века оценивалось в 417 тыс. [Молодяков 2012, с. 118]. Учитывая, что число это существенно возрастает каждое десятилетие, сейчас *фритеров* должно быть значительно больше миллиона. Более радикальная социальная группа молодёжи, именуемая *ниито* (от англ. Not in Education, Employment, Training), которых в 2009 г. насчитывалось уже 640 тыс. [Ibid.], полностью отвергает любые системные виды работы и заработка, признавая лишь случайную подработку или родительские субсидии.

Восточная Азия в XX веке и исторические корни хикикомори

Соблазнительно связать напрямую появление хикикомори с развитием ай-ти революции, но анализ показывает, что массовый уход от общества начался раньше, чем интернет распространился во всех слоях японского общества [Nomura, Aoki 2006]. Для того, чтобы понять истинные причины столь необычного феномена, который в наши дни, то есть в третьем десятилетии XXI века, шагнул далеко за пределы своей исторической родины, Японии, нужно углубиться в новейшую историю и попытаться осмыслить сущность социальных перемен в послевоенном мире, особенно в странах Восточной Азии.

Японский социолог М. Мита довольно точно делит всю послевоенную историю Японии (которую ныне повторяют последовательно Южная Корея, Китай, Сингапур и некоторые другие страны) на три периода [Mita 2006]. Суть его пространного обзора в учебном пособии по социологии современности сводится к следующему.

Первый период (1945–1960) – это т.н. «*время идеалов*». В этот период японцы усердно трудились во имя возрождения страны и повышения материального благосостояния, находившегося на крайне низком уровне. Причём идеалом для них оставалось американское общество «изобилия и демократии». Этот период знаменовался ростом классовой борьбы, направленной на улучшение положения трудящихся. Цели в основном были достигнуты, и в результате Япония пришла к формированию общества классовой гармонии, где социальные проблемы решаются преимущественно бесконфликтно, путём переговоров.

Второй период, «*время (японской) мечты*» (1960 – середина 1970-х гг.) стал временем осуществления «японского чуда» и выхода страны на мировую арену в качестве великой экономической державы. Именно в эту пору социальные ожидания были наиболее оптимистичны, и перспективы представлялись радужными для всех слоёв населения. Характерно, что «*время мечты*» было отмечено сильнейшими беспричинными социальными потрясениями. До Японии докатились отзвуки студенческих бунтов, охвативших в конце 1960-х гг. Европу, когда на воротах Сорбонны красовался лозунг «Вся власть воображению!». В Японии воображение приняло ещё более необъяснимые формы и привело к долгим бессодержательным студенческим волнениям, которые никак не улучшили положение самих студентов. Однако начиная с середины 1970-х гг. темпы роста экономики начали замедляться, а уже к середине 1980-х гг. Япония оказалась в плену «экономики мыльного пузыря». С последствиями её краха в начале 1990-х гг. страна не может окончательно справиться и сегодня.

Третий период, названный, по классификации Мита, «*время фикции*», как раз и знаменовался разочарованием общественности в политике властей и экономических реформах. В связи с быстрым переходом от аграрно-промышленного общества к индустриальному и далее к постиндустриальному стремительно рушились внутриобщинные связи, отношения между членами «большой семьи», между супругами, между родителями и детьми.

С начала 1980-х гг. японская молодёжь стала уходить всё дальше в царство иллюзий, прочь от реальной жизни. Появились огромные сообщества *отаку*, фанатичных поклонников манга и анимэ, строящих свою собственную искусственную реальность. Это поколение, получившее название «новое человечество» (*син дзинруй*), рассматривало реальное общество как платформу для своих бесконечных игр с костюмными переодеваниями (*косплэй*) и полным перевоплощением в героев мультфильмов. Сообщества *отаку* и прочих молодёжных субкультур противопоставляли себя истеблишменту и активно творили свою вселенную, но и она вскоре многим надоела.

Постепенно от ролевых игр часть молодёжи, стремящаяся, как всегда, к свободе, стала переходить к пассивному непротивлению, удаляться в самоизоляцию. Социальный конформизм, столь типичный для японского общества, стал размываться под агрессивным натиском западного индивидуализма, но новое общественное сознание так и не сумело прочно укорениться на Японских островах. Как отмечают исследователи, хикикомори в Японии стали беспомощными жертвами реакции на глобализацию в конформистском обществе [Toivonen et al. 2011]. В итоге получил развитие новый социокультурный феномен, названный «орфанизмом», то есть сиротством (от английского *orphan* – сирота), характеризующийся чувством незащищённости, уязвимости и бессилия перед любым вызовом, оторванности от общества и недоверия к нему. Причём в японском языке тот же термин «орфанизм» звучит как игра слов, обозначая одновременно «индивидуума» и «сироту». Это явление можно считать закономерной реакцией молодёжи на реформу корпоративных структур японского общества, куда молодые люди просто не успели влиться, и форсированное внедрение индивидуалистической философии жизни. Все, кто оказался отторгнут старыми структурами и не сумел найти себе место в новых, предпочли «уход», тихое затворничество.

Социально-экономический фон развития феномена хикикомори

Принимая во внимание фактор смены поколений, мы увидим, что многие хикикомори, начинавшие своё затворничество тридцать лет назад, сегодня влачат всё то же странное существование уже в возрасте пятидесяти лет и старше. По оценкам ведущего японского психиатра С. Тамаки, на 2019 г. весьма приблизительно можно было оценить число хикикомори в 1 150 тыс. (хотя по другим оценкам, с учётом не выявленных случаев, их может быть уже порядка 2 млн). Тот же профессор Тамаки предсказывает рост числа затворников по экспоненте. Через десяток лет их уже должно быть не менее 10 млн [Saito 2019]. Эти цифры ещё раз подтверждают тот факт, что Японию охватила социальная пандемия, стремительно распространяющаяся по всему миру.

Драматизм ситуации усугубляется ещё и традиционно негативным отношением японцев к людям с любыми психическими девиациями, выпадающим из любых

корпоративных структур. По свидетельству того же Сайто, в японских психиатрических клиниках имеется 300 тыс. койкомест, что составляет 20 % от потенциала всех психиатрических клиник на планете. Этот факт подтверждает глубоко укоренённое желание членов гомогенного общества изолировать в лечебных учреждениях всех индивидуумов с потенциально девиантным поведением. Давнее предубеждение проявляется в нарочито негативном отношении к затворникам как к чужеродным элементам, подрывающим общественные устои. А такое отношение, в свою очередь, чрезвычайно затрудняет путь реабилитации для тех, кто захотел бы вернуться к нормальной жизни.

В XXI веке появились новые катализаторы роста числа хикикомори. Обещания политиков всё чаще стали оборачиваться фикцией. Предприниматели стали отходить от традиции «пожизненного найма» с гарантированным социальным пакетом. В обществе стала нарастать ранее не свойственная ему конкурентность, порождающая тревогу, страх и неуверенность в будущем. Если раньше японцы имели обыкновение во всём полагаться на власть в лице правительства, местной администрации и даже полиции, нуждаясь в отеческой опеке, то «время фикции» стало вызовом для индивидуальных способностей, характера и воли каждого индивидуума. Неудивительно, что многие не выдерживали испытания, предпочитая конкурентной борьбе тихую самоизоляцию. От бурных протестов прошлого века огромные массы молодёжи, а иногда и старших возрастных групп, перешли к пассивному «непротивлению», к социальной самоаннигиляции.

Информационно-техническая революция, разумеется, породила новые условия существования, усилила социальную мобильность и резко сократила живое общение между людьми. Исторически в Японии всегда придавалось особое значение родовым и общинным связям, которые нередко помогали молодёжи устроиться на работу и сделать карьеру. При этом предполагалось, что профессиональные навыки не столь важны – их можно приобрести позже, в процессе работы. Главное – чтобы кандидат имел хорошие рекомендации, был надёжен и соблюдал полную лояльность по отношению к компании. То же правило соблюдалось и при найме выпускников престижных вузов, которых доучивали на местах. Однако в связи со сложностью компьютерных операций и разрастанием массива необходимых для работы знаний компаниям пришлось переместить акценты и при найме обращать гораздо больше внимания на профессионализм, чтобы не тратить большие средства и много времени на переучивание молодого специалиста.

В поисках работы молодые люди оказались вынуждены мигрировать в другие города и регионы, где многих также ждало разочарование. Повышение конкурсных требований при отборе привело к отсеиванию слабых, которые раньше тоже вполне могли рассчитывать на рабочие места. Одновременно автоматизация, компьютеризация и роботизация производства привели к сокращению персонала на заводах и в офисах.

Как и во всем мире, в Японии отряд работающих по временному контракту, в том числе на удалённой работе, и часто меняющих место приписки – так называемых *фритеров* – продолжал существенно увеличиваться в течение четверти века. Сегодня, в связи с эпидемией ковида и карантинными мерами, количество непостоянно занятых (то есть вынужденных в той или иной степени перманентно беспокоиться о средствах на жизнь) перевалило за 40 % трудового населения. Но надомная работа нередко действует расхолаживающе и располагает к сибаритству. Из этих огромных социальных групп путём постепенного отсеивания формируется и прослойка хикикомори.

До 30 % затворников всё же работают, преимущественно на дому, или занимаются нерегулярной подработкой, если она не связана с активной социализацией. Среди хикикомори можно встретить и компьютерных хакеров, которые, не выходя из дома, порой зарабатывают на жизнь выполнением разовых заданий, но пропорция таких профессионалов в общем числе затворников ничтожна.

Молодые люди, достигшие совершеннолетия, официально именуются «членами общества» и, соответственно, несут всё бремя социальных обязательств. Выпадающий из общества социофоб в Японии становится изгоем по определению, хотя общество и будет относиться к нему терпимо. Так же терпимо, впрочем, относятся японские муниципальные власти и полиция ко всему контингенту лиц без определённого места жительства. Ещё не так давно им даже разрешали ночевать в метро, да и сегодня клеёнчатые самодельные палатки бомжей можно встретить на территории центральных парков или на набережной реки Сумида в центре столицы. Существуют довольно многочисленные ночлежки и пункты раздачи питания для бомжей. Тем не менее, бомжи считаются полностью отмершим сегментом общества и никакого сочувствия у населения не вызывают.

Что касается хикикомори, то по степени отчуждения от общества они, как правило, немногим отличаются от бомжей, но имеют перед последними ряд преимуществ. Основное же отличие в том, что, если бомжами обычно становятся в силу непреодолимых внешних обстоятельств, то хикикомори сознательно и добровольно выбирают путь затворничества. Их отчуждение от общества – проявление пассивного социального протеста, направленного не против конкретной организации, закона или норматива, но против всего уклада общества, который для них неприемлем. Винить в этом общество нельзя, но и полностью снимать с него ответственность было бы несправедливо.

Заключение

Итак, в мире нарастает социальная пандемия, от которой человечество пока не имеет никаких действенных лекарств. Япония продолжает лидировать по числу хикикомори, но совершенно очевидно, что пандемия будет распространяться всё шире по всем континентам по мере развития технократических структур общества, отказа от традиционных способов производства и роста благосостояния граждан. Поскольку никакого универсального лекарства пока не найдено, нет сомнения, что к середине текущего столетия затворники составят весьма значительный сегмент общества.

Насколько быстро распространяется пандемия, можно судить по Южной Корее, где на 2019 г. было выявлено 300 тыс. хикикомори [Saito 2019].

Поветрие затронуло в первую очередь те экономически развитые страны, где исторически были особенно сильны семейные узы, побуждающие родителей содержать взрослых неработающих детей. В частности, это Южная Корея, Китай (буржуазная прослойка китайского общества), Сингапур, страны Южной Европы – Италия, Испания, Греция, где уже говорят о нарастании проблемы.

В странах же, проповедующих философию индивидуализма, где совершеннолетние дети рано покидают родительский дом, проблема затворничества пока стоит не так остро. Хотя некоторое количество хикикомори зарегистрировано и в США, и в Канаде, и в Австралии, пока они не представляют реальной угрозы для системы. Зато в этих странах

постоянно увеличивается количество бомжей (homeless). Так, в США, по некоторым оценкам, их насчитывается 1,6 млн, а в Великобритании 250 тыс. [Ibid]. Для сравнения в Японии бездомных всего 10 тыс.

В Японии и других странах Восточной Азии уже давно обсуждаются меры по лечению и профилактике синдрома хикикомори, но эффективность этих мер весьма сомнительна. В первую очередь родителям предлагается проводить воспитательную работу с детьми-хикикомори. Однако совершенно очевидно, что родители, не делавшие этого ранее, не способны радикально перестроиться, особенно в Японии, где консерватизм семейных отношений до сих пор чрезвычайно силен.

Рекомендуется и вмешательство психиатра, но при этом отмечается, что для такого вмешательства есть только ограниченный тайм-слот, а именно четвёртый – шестой месяцы после состоявшегося «ухода» [Wong et al. 2019, p. 160]. Исследователи установили, что по прошествии трёх месяцев молодой человек может поколебаться в своём выборе, прочувствовав все неудобства нового статуса. При правильном подходе у психиатра есть шанс вернуть пациента в лоно общества. Но шанс этот резко уменьшается после шести месяцев, которые считаются критическим сроком для перехода в состояние «вторичного хикикомори». Окончательное же и бесповоротное закрепление в сознании психологического гештальта личности хикикомори происходит после двух лет пребывания в затворничестве. Отсюда следует, что лечение и корректировка поведения возможны только на стадии т.н. «первичного хикикомори», между тем как «вторичные хикикомори» в принципе лечению не поддаются.

Предлагается также ещё один оригинальный вид лечения, который, судя по всему, ещё даже не был апробирован. Это вовлечение первичных хикикомори в различные игры с дополненной реальностью при помощи создаваемых для такой цели специальных центров психиатрической помощи, что, возможно, пробудит в молодых людях угасающий интерес к реальной жизни. Рекомендуется также приглашение хикикомори к участию в различных корпоративных мероприятиях (вечеринках, экскурсиях, благотворительной деятельности). Фактически речь может идти только о лечении самых молодых «начинающих» хикикомори, и притом с весьма сомнительным результатом. Остальные неизбежно оседают ненужным балластом в трюмах общества.

Можно было бы предположить, что по мере адаптации к новым стандартам глобализации число хикикомори с годами будет заметно уменьшаться. Однако всё происходит с точностью до наоборот: количество затворников быстро растёт и уже сегодня в Японии перевалило далеко за миллион. Очевидно, именно японская молодёжь оказалась не готова к радикальной перестройке сознания. Стремительный рост числа хикикомори в Японии свидетельствует о серьёзном кризисе всей системы социальных ценностей общества, веками находившего опору стабильности в групповых, корпоративных структурах, которые ныне отвергаются сотнями тысяч молодых людей. Более того, появление хикикомори в других странах Азии, а затем также на других континентах обозначило глобальный масштаб странной эпидемии отчуждения, заметно прогрессирующей на фоне пандемии ковида, которая усугубила тенденцию к самоизоляции, навязав вынужденное затворничество уже не сотням тысяч и не миллионам, но миллиардам людей во всём мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Молодяков В.Э. Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодёжи // Япония: экономика и общество в океане проблем. Москва: Восточная литература. 2012. С. 114–126.

Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. Этнос японского общества // Японское общество: изменяющееся и неизменное. Москва: АИРО-XXI. 2014. С. 43–56.

Ханин З.Я. Парии в японском обществе. Москва: Наука. 1980.

REFERENCES

Hanin, Z.Ya. (1980). *Parii v yaponskov obschestve* [Pariahs in Japanese Society]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2012). Rasteryannoe pokolenie: starye i novye problemy yaponskoi molodezhi [A Confused Generation: Old and New Problems of Japanese Youth]. In *Japan: Economy and Society in the Ocean of Problems* (pp. 114–126). Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Molodyakova, E.V., Markaryan, S.B. (2014). Ethos yaponskogo obschestva [The Ethos of Japanese Society]. In *Japanese Society Changing and Unchanged* (pp. 43–56). Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

* * *

Doi, T. (1975). Amae: A Key Concept for Understanding Japanese Personality Structure. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 145–154). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Furlong, A. (2008). The Japanese hikikomori phenomenon: acute social withdrawal among young people. *Sociological Review*, 56, 309–325.

Kasahara, Y. (1978). Taikyaku shinkeishō withdrawal neurosis to iu shinkategorī no teishō [Proposal for a new category of withdrawal neurosis]. In Nakai, H.; Yamanaka, Y. (Eds.), *Shishunki no seishinbyōri to chiryō* [Psychopathology and treatment in the adolescent] (pp. 287–319). Tokyo: Iwasaki Gakujutsu Shuppan.

Kato, M. (1975). Self-Destruction in Japan: A Cross-Cultural Epidemiological Analysis of Suicide. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 359–382). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Katsumata, M. (2011). Hikikomori: A Qualitative Study on Social Withdrawal of Japanese Adolescents. *Human Science Scholar*, 3 (2).

Lebra Sugiyama, T. (1975). Intergenerational Continuity and Discontinuity in Moral Values among Japanese. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 90–116). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Mita, M. (2006). *Shakai-gaku Nyūmon* [Introduction to Sociology]. Tokyo: Iwanami Shinsho. (In Japanese).

Nakamura, K., Shioji, R. (1997). Taijin kyōfushō to hikikomori [Taijin-kyofusho and withdrawal]. *Rinshou Seishin Igaku* [Clinical Psychiatry], 26, 1169–1176. (In Japanese).

Nakane, Ch. (1990). *Japanese Society*. Tokyo: Charles E. Nuttle Co. Publishers.

Nomura, Y., Aoki, S. (2006). Recent problem in adolescent psychiatry. *Igaku no Ayumi*, 217, 929–934. (In Japanese).

- Saito, T. (2019, September 2019). Japan's Hikikomori Population could Top 10 Million. *Nippon.com*. https://www.nippon.com/en/japan-topics/c05008/japan%e2%80%99s-hikikomori-population-could-top-10-million.html?cx_recs_click=true
- Suwa, M., Suzuki, K. (2006). The concept of "Hikikomori" in mass media and psychiatry. *Japanese Journal of Adolescent Psychiatry*, 16, 61–74. (In Japanese).
- Suwa, M., Suzuki, K. (2013). The phenomenon of "hikikomori" (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today. *Psychology Official Journal of the Italian Society of Psychopathology*, 19, 191–198.
- Teo, A.R., Gaw, A. (2010). Hikikomori, a Japanese Culture-Bound Syndrome of Social Withdrawal? *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 198 (6), 444–449.
- Toivonen, T., Norasakkunkit, V.; Uchida, Y. (2011). Unable to conform, unwilling to rebel? Youth, culture, and motivation in globalizing Japan. *Frontiers in Psychology*, 2 (207). <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2011.00207/full>
- Tsutsumi, S. (1999). *Japan's Consumer Society*. Tokyo: ARC Publishing.
- Watabe, K., Saito, K., et al. (2008). Jidōki zenshishunki no hikikomori ni taisuru seishin igakuteki chiryō enjō ni kansuru kenkyū (1) [Research on the psychiatric treatment and support for social withdrawal in childhood and pre-adolescence (part 1)]. *Kokoro no kenkou kagaku kenkyuu jigyo*, 103–109. (In Japanese).
- Wong, M., Chee J., et al. (2019). Hikikomori Phenomenon in East Asia: Regional Perspectives, Challenges, and Opportunities for Social Health Agencies. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 153–178. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00512/full>.
- Yong, R., Nomura, K. (2019). Hikikomori Is Most Associated With Interpersonal Relationships, Followed by Suicide Risks: A Secondary Analysis of a National Cross-Sectional Study. *Frontiers in Psychiatry*, 10, Article 247. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00247/full>